

2
AUG - 6

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

ЗАВТРА В НОМЕРЕ

Р. ПЛЕТНЕВ

ТАИНА ЛИЧНОСТИ И. С. ТУРГЕНЕВА

Н. ВАЛЕНТИНОВ

ЕВРОПЕИЗМ И РУССКИЕ ПОЛЯ

Е. КУСКОВА

П. А. СТОЛЫПИН И ДЕВОЧКА
(Из воспоминаний)

ИРИНА САБУРОВА

ГЕРЦОГ И КИТАЯНКА

Ю. БОЛЬШУХИН

КАК БОРОТЬСЯ?

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO 243 West 56th Street, New York 19, N.Y. Tel. Columbus 5 - 5500

Невозвратные дни

2*)

Как и мое знакомство, мой брак с Грифом был не совсем обычным. Когда закончился его развод с Ниной Петровской мы решили повенчаться. Тут стали возникать разные трудности. Как полагается мужчине, Гриф взял вину на себя, что официально налагало запрет вновь венчаться в течение трех лет. Обычно этот закон обходился просто, венчались за определенную мзду где нибудь под Москвой. Был даже известен стоворчивый на этот счет священник. На нашу беду про него прознали власти и как раз в это время его, уж не помню как, но строго наказали. Это, конечно, напугало и других священников в округе. Найти кого нибудь согласного нас венчать мы никак не могли. Между тем, вполне уверенная в удаче, я просила моих родителей приехать к венцу, переложив гнев на милость. Прибыло мое приданое: белье, серебро, посуда, приехали и сами родители, а тут такая неудача. Отчаявшись найти подходящего священника в окрестностях, Гриф решил искать кого либо в самой Москве. Это тоже удалось не сразу, но надежды мы все же не теряли. Однажды Гриф со своим другом поэтом Александром Кондратьевым уехали на поиски, а я с родителями сидела дома, ожидая их возвращения с хорошими или с дурными вестями. Вдруг звонок по телефону: «Наладили, находи шаферов, приезжай, откладывать нельзя, нужно венчаться сейчас же. Я уже в церкви и жду». К моему удивлению адрес указанной им церкви был в центре города. Оказывается Гриф уговорил венчать его своего бывшего законоучителя и

для большей убедительности во время уговоров усиленно угощал его вином. Я вызвала по телефону Александра Брюсова (брата Валерия) и брата Грифа Павла Андреевича Соколова с его другом Рождественским, надела свое летнее белое платье и по настоянию мамы фату и Флер-д-оранж. И фату и флер-д-оранж нацеплял в спешке на меня Павел Александрович и надо сказать не особенно ловко какими то рогами. Так я рогатая и венчалась. В церкви нас встретил совершенно пьяный священник с дьячком. Когда мы вошли двери церкви были тотчас же закрыты на замок и началось венчание. Пьяный голос священника, гнусавый дьячка — мало походило это на торжественный обряд, о котором я когда то мечтала. Мне было не по себе: и смешно и досадно. Я посмотрела на стоящего со мной рядом Грифа, который как раз как то поспешно ступил на розовый атлас, заботливо положенный матерью. Я вспомнила поверье, что тот, кто первым вступит на него будет главенствовать в семейной жизни. Я обернулась к родителям — мать с нежностью смотрела на меня, а взгляд отца был устремлен на иконostas и по его щеке медленно катилась слеза, он молился. И вдруг я почувствовала, что в моей жизни совершается что то очень важное и большое. Ушла вся неприглядная, внешняя сторона моей свадьбы, я больше не замечала ее. Слова обряда стали для меня значительными. А когда соединив наши руки, священник обводил нас вокруг аналоя я поняла, что это наш союз с Грифом на всю жизнь.

Трудно сказать почему, но хотя я жила в Москве, а в Петербурге бывала только наездами, мой литературный мир был мне некалуж, ближе московско-

го. Вскоре после нашей свадьбы я познакомилась с одной из замечательных фигур того мира Федором Сологубом. Еще до знакомства с ним я уже много о нем слышала. Говорили тогда об его имевшем большой успех романе «Мелкий бес». Знали его все как преподавателя какой то гимназии Федора Кузьмича Тетерникова. Жил он замкнуто со своей сестрой, женщиной, одетой во все темное, мало разговорчивой дамой, любезно угощавшей чаем не многочисленных посетителей. Принимал своих гостей Федор Сологуб обычно в кабинете, обставленном мрачной, безличной мебелью, сидя за письменным столом, над которым висел образ сатаны. Полутемный кабинет и вся обстановка автора «Мелкого беса» производили неуютное впечатление, и часто посетителям так и чудилось, что здесь где то шныряет «Недотыкомка».

О таком Федоре Сологубе знала я впервые встретившись с ним. Седобородый старик, наглухо застегнутый и одетый во все черное, мало разговорчивый, с какой то иронической усмешкой. Все говорили, что он сатанист, и это внушало какую то жуть и в то же время интерес. Среди литераторов его таинственная фигура в связи его полными темными намеками стихами пользовалась несомненным признанием и почтением. Быть сатанистом в то благословенное время было загадочно, интересно и как бы придавало краски творчеству.

Мой муж пользовался большой симпатией Федора Кузьмича и потому бывая в Москве Сологуб всегда был нашим гостем. Обычно они с мужем говорили о всяких литературных вопросах, а я как хозяйка общивалась с ним несколькими незначительными фразами. Это были мои первые встречи с Федором Сологубом.

Прошло некоторое время и вдруг сенсационный слух; сестра Федора Сологуб умерла, он бросил службу и женится. Да-

льше шли слухи один невероятней другого. Женится Федор Сологуб на переводчице Анастасии Чеботаревской, снял хорошую квартиру и приобрел розовую мебель. «Еще чего доброго образа заведет!» — остринил кто то.

Наконец, Федор Сологуб приехал в Москву. Пришли к нам. Я его сразу даже не узнала. Он сбрил бороду, оделся в обычный пиджак и даже надел пестрый галстук. Помолодел на двадцать лет, стал разговорчивым, шутил. Рядом с ним средних лет кругленькая симпатичная Анастасия Николаевна. Все время обмениваются друг с другом ласковыми взглядами, видимо очень довольные настоящим. С этой встречи Сологубы стали моими друзьями. Помню строки из одного письма ко мне Анастасии Николаевны «Я простужена, лежу. Но болеть мне так уютно, окруженной цветами, конфетами и заботами Федора Кузьмича».

Таинственность, окружавшая Сологуба, исчезла, его творчество приняло несколько иную окраску, но не гасло. Была принята на сцену Александринского театра его пьеса «Заложники жизни» Театр Незлобина ставил переделку его романа «Мелкий бес». Тут Федор Кузьмич оказал мне большую услугу рекомендовал меня Незлобину на роль Дарин, где надо было петь и танцевать. Я в это время служила в Киеве и поехать в Москву в такой театр как Незлобина было для меня большой радостью. После этого Анастасия Николаевна считала меня под своим покровительством. Это имело для меня много приятных сторон, но иногда было и очень затруднительно.

Анастасия Николаевна при очень ласковом и добром отношении ко мне была человеком властным и считала, что я должна жить, одеваться и говорить по ее вкусу, что часто не совпадало с моими желаниями и вкусами. Не желая ее обидеть, приходилось как то лавировать,

что не всегда удавалось. Как то когда я с группой Незлобина была в Петербурге постом по их предложению я остановилась у них. У Сологубов была хорошая квартира с гостинной вроде залы, где по стенам стояли золотые стулья обитые розовым атласом, так смутившим литературный мир. Довольно часто бывали у них вечера, на которых собиралось много лиц литературного и артистического мира. Читали стихи, прозу, пели, танцевали. Когда я оказывалась на таком вечере, я обычно, по выбору Анастасии Николаевны, читала какие нибудь новые стихи Федора Кузьмича.

Я запомнила один из таких вечеров у Сологубов. Было как раз очень много народу. Танцевал очень известный в артистических кругах юноша Поздняков. Танцевал в стиле Дужжан. Его очень красивое тело было прикрыто только замотанным на бедрах муслином. Танцевал пластично, хорошо. И вдруг Анастасия Николаевна решила заставить танцевать меня. Мои протесты, ссылки на то, что у меня нет с собой подходящего костюма не имели успеха. Она надела на меня какую то свою рубашку, перепоясала пестрой лентой и настаивала, чтобы я танцевала, да еще что либо вакхическое. Отказаться, значило обидеть и она настаивала на своем.

И вот я перед строгой избранной публикой босая, в какой то дикой рубашке, стала скакать козлом. Редко в жизни я ощущала такой стыд за то, что я делаю. С ужасом смотрела я на окружающую меня публику. Помню почему то сидящего на полу, по турецки, Мейерхольда, который как мне казалось неодобрительно качал головой и улыбался. Когда я, наконец, кончила свое козлование, конечно, мне из вежливости похлопали, ну а я сгорая от стыда, бросилась переодеваться, досадую, что нужно будет еще выходить к ужину. На этот раз я остановилась не у Сологу-

бов и после ужина спешила уйти домой, все еще переживая конфуз за мое нелепое выступление. В те годы как то всегда было кому нибудь со мной по пути». На этот раз со мной «по пути» оказалось Николай Николаевич Евреинов. До конца своих дней Николай Николаевич был исключительно интересный человек и собеседник. А в то время он был в расцвете своего дарования, полный всяких новых театральных идей и планов.

О моем вакхическом козле танце он не поминал, но как мне показалось в связи с ним, стал убеждать меня побывать на Афинских вечерах, которые устраивала Паллада Багданова-Бельская, уверяя, что ничего такого что бы мне было не приятно там нет, а наоборот я увижу там много занятного и встречу ряд интересных людей. Я обещала пойти. Час был поздний, и мы с Николаем Николаевичем долго бродили по ночным, пустынным улицам Петербурга. Гулять и беседовать с блестящим, красивым режиссером было для меня молодой актрисы приятно и лестно. Я навсегда запомнила эту прогулку. На Афинские вечера Багдановой - Бельской я все же не решилась пойти: уж очень много говорили в Петербурге об этих вечерах такого, что меня смущало. За год до своей смерти, в день своего рождения Николай Николаевич вдруг мне напомнил эту прогулку. Мне было приятно, что и он не забыл наше блуждание по Петербургу в эту ночь.

В свой следующий приезд в Петербург я сразу заметила, что ряд лиц, составлявших раньше общество Сологубов, почему то у них не бывает. Когда я спросила о причине Анастасию Николаевну, она сухо сказала: «Не хочу их видеть!» Федор Кузьмич по обыкновению молчал. С ними я больше этого вопроса не поднимала, но встретив Алек-

сея Николаевича Толстого, бывшего раньше частым гостем Сологубов, спросила в чем дело. И Толстой со свойственным ему юмором ответил. «Да все из-за обезьяньего хвоста.» Тут уж я совсем заинтересовалась, и просила мне рассказать, что же это за хвост. Оказалось что устраивали литераторы маскарад. Ну одевались кто во что мог, а Ремизов со свойственной ему иронией сказал: «Мне никакого костюма не надо, мне бы только дали обезьяний хвост, вот я и буду обезьяна. Сологубы для этого маскарада одолжили у знакомых две очень ценных обезьяньих шкуры. Толстой, не смущаясь, у одной из этих шкур отодрал хвост и прицепил Ремизову. Маскарад прошел очень весело. После него Анастасия Николаевна стала собирать обезьяньи шкуры, одна оказалась без хвоста. Как ни искали этот хвост, его не нашли. Анастасия Николаевна возмущалась дерзостью Толстого, оборвавшего хвост и т.д. Одним словом произошла ссора. Часть литераторов была на стороне Сологубов, часть защищала Толстого. Дружная раньше компания раскололась. Вот откуда родилась у Алексея Ремизова его обезьянья палата и ее сановники.

Ни я, ни муж в этих разговорах не участвовали. С Сологубами я встретила снова только уже во время мировой войны, приехав как и раньше на гастроли с Незлобинским Театром. Последняя моя встреча носила несколько неожиданный для меня характер. Я в это время начала сниматься в кино, имела успех и, конечно, была увлечена своей работой. Анастасия Николаевна, считая меня попрежнему своей подопечной, стала меня упрекать за мое увлечение и буквально требовать, чтобы я это занятие оставила. Я конечно отстаивала свою работу. «Если вы любите искусство, вы дол-

*) См. номер Н. Р. Слова от 6 июля.

жны бросить это, а не искать таким дешевым, анти-художественным способом популярности!» В свою защиту я приводила ряд писателей и артистов, тоже сотрудничавших в кино. Но она, не сдавалась «Те это делают ради заработка, а вы ради популярности!»

При нашей беседе присутствовала жена Леонида Андреева, которую я видела в первый раз. Резкий тон Анастасии Николаевны со мной был мне поэтому особенно неприятен. Ссориться с ней всегда такой внимательной и сердечной ко мне я не хотела и, побыв очень недолго, я уехала. На этот раз Анастасия Николаевна попрощалась со мной довольно холодно. Совсем расстроенная поехала я к Надежде Александровне Тэффи. Я застала ее в ее ярко-синей уютной комнате, у ее ног на скамеечке сидела ее очередная «рабыня» экзотического вида с золотой браслеткой на ноге — Каза-Роза. Она так очаровательно пела песенки. Особенно я запомнила Кузьминскую:

«Дитя не тянися весною за розой,

Розу и летом сорвешь.

Ранней весною собирай ты фиалки.

Помни, что летом фиалок уж нет».

И еще на слова и музыку самой Тэффи:

Мой малый карлик целовал мне ножки.

Он был так строен, нежен и так мил.

Мои браслеты, кольца, серьги, брошки,

Он все берег и в сундучке хранил.

Но в черный день печали и тревоги

Мой карлик вдруг поднялся и подрос

Вотще ему я целовала ноги

Он сам ушел и сундучек унес».

Увидев меня расстроенной, Тэффи спросила в чем дело. Я рассказала ей. И Тэффи со

своиственным ей юмором как то все обернула в шутку. «Во первых почему искать заработка лучше, чем популярности. А, вообще снимаетесь, имеете успех и слава Богу, продолжайте во всю, не смущаясь». Так было все спокойно и весело вокруг Тэффи, что я вполне успокоилась и поехала от нее играть в театр в переведенной ею пьесе «Король Дагобер», которая шла с большим успехом.

Я с Сологубами больше не встречалась. Знаю, что при Советской власти им жилось тяжело, они хлопотали о праве выезда. После долгих хлопот это право, наконец, получили. Анастасия Николаевна была все время в очень нервном состоянии. Как то она ушла из дому по каким-то предвыездным делам и больше не вернулась. Федор Кузьмич ждал ее, стоял накрытый на двоих стол. Но она не пришла ни в этот день, ни в другой. Дело было поздней осенью. Кто то видел женщину бросившуюся в Неву. Искали, не нашли. А Федор Кузьмич все ждал, уверяя, что она вернется. Жить одному ему было трудно, его приютила семья знакомого художника, жившая в другом конце города. Весной дети художника прибежали с сообщением, что к их дому приплыла льдина, а на ней женщина. Это оказалась Анастасия Николаевна. Ее вынули из льдины и похоронили. Больше ее Федор Кузьмич не ждал, она вернулась к нему. Так мне было рассказано. Я в это время в Петербурге не была потому решить что из этого правда не могу. Знаю что мистика в СССР не была в ходу, говорить о таниственных вещах особенно не рекомендовалось. Сурово и одиноко закончил свои дни Федор Сологуб. Последние годы жизни как писатель он уже ничего не дал.

Лидия Рындина.